

ПЕРСОНА

Общая газ. - 1996. - 1 февр. - с. 10.

Одинокий муляж желает познакомиться

«Переход» – так называется выставка Татьяны Назаренко, открывшаяся 25 января на Крымском валу

– Одно из немногих, что создал социализм, это почти цеховая система воспроизводства художников, да и вообще искусства. Скрипачи порождали династии скрипачей, живописцы отправляли детей в художественные школы и вузы, то же актеры, кинорежиссеры... Вы тоже из семьи художников?

– Нет, никто в доме не рисовал. Я была самой обыкновенной девочкой, училась в самой обыкновенной школе. Однажды к нам на урок рисования в начальных классах пришел зять нашей учительницы, художник, и сказал, что у меня есть какие-то способности. Потом случайно услышала по радио о приеме в среднюю художественную школу около Третьяковки. Мне было одиннадцать лет. Оказалось, что для допуска к экзаменам надо нарисовать натюрморт, композицию. Что это такое, что такое масло, акварель – я не представляла. Мы поехали с мамой в Анапу отдыхать, и там я нарисовала капусту с морковкой, море с купающимися и еще что-то, после чего меня допустили к экзаменам. Сейчас в эту школу безумно трудно попасть, люди по несколько лет дополнительно занимаются, но и тогда были какие-то курсы, занятия перед школой. Я сдала экзамены на четверки. Рисовала какую-то куропатку, и поскольку не знала, что такое свет и тень, то нарисовала на ней все перышки. Чем, наверное, и подкупила приемную комиссию. Ну вот. Прочитала я в этой школе семь лет, окончила с пятерками, сразу поступила в Суриковский институт, тоже замечательно его закончила, поступила в мастерские Академии художников, поехала на творческую дачу в Италию, вступила в Союз художников, это все 1969 год. Потом выставки, премии, покупки картин Третьяковской галереи и Минкультом, снова выставки. Такая внешне очень благополучная жизнь, которая сейчас невероятно мешает. Поскольку все перевернулось, и ныне известность и всеми благами пользуются только тогдашние неофициальные художники. Я сейчас шучу, что по сравнению с ними вполне могу считать себя андерграундом. Сижу в мастерской и работаю только для себя.

– Новая критика называет вас «музейным художником», имея, очевидно, в виду ту невероят-

ную тщательность, с которой написаны ваши работы, их глубину, несиюминутность. А может быть, просто желая вас выставить вон из «текущего галерейного процесса» всяких акций, перформансов, скандалов. Но музеи-то покупают «музейного» художника.

– Нет, конечно. Музеям дают деньги только на приобретение современного авангарда – воздуха в целлофановых мешках. У меня была в 93-м году выставка в Третьяковской галерее. Они захотели приобрести несколько работ. Сейчас я из них оставила там только две, да и те скоро заберу, потому что денег на них им не дают. Так же и все остальные музеи. А заниматься альтруизмом, отдавать просто так я тоже не могу.

– Раньше такого не было?

– Нет, были другие сложности. Моего «Пугачева» снимали с трех выставок, вызывали в управление культуры, просили, чтобы я сама сняла. Не нравилось, что один народный герой, Суворов, везет на казнь другого народного

думать. Никакая фантазия художника такое не придумает.

– Однако фантазия художника придумала, что ваши персонажи картин вдруг сошли с полотен и смешались с посетителями выставки «Переход», которая до 19 февраля будет в ЦДХ на Крымской. Что за странная для живописца манера делать фанерные раскрашенные фигуры, да еще так похоже, что их не отличить от их двойников?

– Вы знаете, это на самом деле очень трудно объяснить. Можно наговорить что угодно. Что мне хочется делать какие-то новые формы. Что живопись сейчас уступает место шокирующим, развлекающим акциям. Что ищешь формы синтеза, чтобы заставить людей увидеть свои работы. Помню, несколько лет назад на какой-то выставке огромные полотна были поставлены на тележки с колесиками, и всем желающим предлагалось их покатай. Я смеялась над всем этим, но в какой-то момент почувствовала, что живопись сегодня абсолютно не нужна. Она уже не имеет возможности остаться с тобой наедине. Ну пишу я картинку. А кому это, в

сор, который хотя бы оплатит зал. Новые правила игры: хочешь выставиться – плати. А за чем? всю жизнь я это делала как бы немножко бесплатно. Ну вот, а прошлой весной мне предложили два больших зала на Крымской. После чего я и задумалась, как их заполнить? Сколько же картин надо написать! Но то, что я уже написала, постоянно уходит. Какие-то сумасшедшие эти картины покупают. Собрать вместе их не удастся. Ну вот я и придумала эти фигуры из фанеры. Это ведь все реальные персонажи, я никого не выдумала. Когда, например, делала портрет своего сына, то очень старалась, позвала его, написала один к одному. Себя сделала. Очень многих видела в переходе на Пушкинской. Причем удивительная вещь. Много из того, что я делаю, вдруг исчезает. Когда я писала в конце 60-х «Казнь народовольцев», где место казни окружено конными жандармами, то я ходила рисовать конную милицию, чья форма тогда была один к одному с жандармской. Это просто фантастика, ведь никакой нынешней ностальгии по прошлому тогда и в помине не было. И вдруг как раз посередине работы у милиции меняется форма! То же и сейчас. Я почти кончила делать своих персонажей с Пушкинской, как вдруг там начали ставить палатки в переходе, и за одну неделю все мои люди исчезли. Не стало бомжей, не стало продавцов, музыкантов. Может, они в какие-то другие места переселились, может, вообще Москву покинули, я не знаю. Во всяком случае, это портреты реальных людей.

– Когда идешь по вашей выставке, не представляешь себе, что это одноразовая акция. По-моему, очень точно придумана некая новая форма, которая выражает и нынешнее ощущение жизни, и вполне может стать очень популярным и модным искусством. Была ли прежде традиция таких фигур?

– Когда я начала их делать, я не помнила, что такая традиция в старину была, и не только в России. Осенью я поехала в Кусково и увидела там несколько фигур-обманок в интерьере. Но все же это, скорее, была живопись. Они меньше натуральной величины, и нет такого ощущения живого существа. Когда я летом в деревне делала свои фигуры, местные, входя, всегда с ними здоровались, а потом: «Вот черт, они же ненастоящие!»

– А использовать их в нынешних интерьерах? Представляете, большая реклама в журнале «Домовой»: «новые русские» выбирают по себе друзей и подруг!..

– Да и не только «новые русские». Представляете, как здорово их можно было бы поставить! Вы – одинокий старичок, хотите, чтобы у вас была любимая девушка, или жена, или доктор с вами все время сидел. Я могла бы их сделать. Это недорого. Можно поставить, посадить, много места они не займут. Надоест, вы их за шкаф поставите – и все. Я бы чудно сделала, кому чего хочется. Больной старушке – доктора. Бизнесмену – секретаршу, какую захочет. Можно обнаженную, чтобы избавляла от комплексов. Кому-то пару амбалов-охранников, чтобы стояли у дверей...

– Одинокие муляжи желают познакомиться?

– А почему бы и нет? В употреблении простые, пить-есть не просят, не раздражительны. С людьми сложнее.

героя. Помню, я в мастерской принимала человек тридцать сотрудников российских музеев, и одна дама из Ульяновска весьма агрессивно говорила, что, если бы эту картину выставили у них, народ бы просто ничего не понял, потому что «все знают, что Пугачева взял в плен Михельсон». Я говорю: «Даже если весь ваш народ будет думать иначе, чем было на самом деле, это ничего не изменит».

Или были картины, которые нельзя выставлять, потому что «я уродую советских людей», и это никому нельзя показывать.

– Так вы действительно уродуете?

– Да нет, мне кажется, что не уродую. Я с большой симпатией, нежностью, сочувствием отношусь к этим людям. Но что поделать... Я – кондовая реалистка, меня так научили. Мне кажется, что окружающая жизнь гораздо страшнее и необычнее всего, что можно при-

принципе, нужно? Для чего стараться, несколько месяцев писать картину? Чтобы потом она стояла прислоненной к стенке? Чтобы я ее когда-то кому-то показала и заставила вспомнить, что я еще есть? Я могу сделать абстрактную работу. Но это мне скучно. А если мне скучно, то скука передастся и зрителю. А фанерные «временючки» передают мое сегодняшнее ощущение жизни. Я вхожу в подземные переходы с ужасом. И с интересом. Я не могу ассоциировать себя с нищим, с инвалидом, с торговцем, я чувствую себя сторонним наблюдателем. Но, с другой стороны, я в этом живу. Это сегодняшний мир, который определяет мое зрение, мои ощущения. Я это как-то и хотела передать.

– А что было сначала – замысел или предложение устроить выставку?

– Сначала предложение. Сегодня ведь для того, чтобы устроить выставку, нужен спон-

